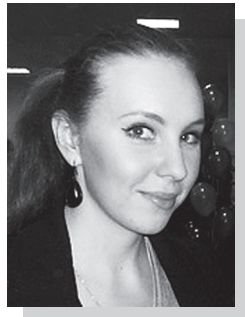

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ КАК СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РАБОТА С ПРОШЛЫМ

Кочнева Елена Дмитриевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: lestognij@yandex.ru

Аннотация

В статье содержится обзор проблематики политики памяти, а также анализ различных подходов к интерпретации этого феномена. В частности, рассматривается историческая память и национальная память, состояние политики памяти в постсоветском пространстве – изучение практик политического использования исторических событий на примере Великой Отечественной войны.

Ключевые слова:

политика памяти, историческая память, фальсификация истории, национальный консенсус, Великая Отечественная война.

Память уже давно не является предметом жесточенных и часто смертельных идеологических битв в России. Те, кто контролирует прошлое, также контролируют и настоящее.

В последнее время российская власть обратила большое внимание нашей «тысячелетней истории». Это не только установление хронологических рамок, но и принцип повествования конкретных событий, провозглашенный государственными руководителями. Политика памяти постоянно уменьшает возможности для общественного обсуждения в самой России и между Россией и ее соседями, поскольку обе стороны пытаются привить идеи, которые противоречат как реальности, так и интересам противоположной стороны. Последовав за своими соседями по политике памяти, Россия лишь усиливается атмосферу глухого диалога.

Изучение политики памяти является развивающимся международным явлением.

Определяющим событием в проблематике памяти стало появление в 1978 году статьи историка Пьера Нора о «коллективной памяти». Нора, в определении памяти, объяснил, что можно отмечать и описывать все те формы присутствия прошлого и политизированного подхода к истории, которые до этого не подверглись критическому анализу. Большой успех публикации под редакцией Нора «Места памяти» («Lieux de Memoir») [15], в которой памятные места трактовались как символы национальной идентичности, придал новый импульс исследованию проблематики памяти. Изначально употреблялось только понятие «политика памяти» (politique de la memoire).

И во Франции и в России государство пытается влиять на историков, проводя определённую историческую политику. Во Франции в последние 20 лет проявилась следующая тенденция: Национальное собра-

ние принимает законы, касающиеся защиты жертв, а не законы о защите государства, – это большая разница. Закон, противодействующий отрицанию Холокоста, закон о рабстве как преступлении против человечности, закон о жертвах колонизации, закон о геноциде армян. Самые острые дебаты вызвал в 2005 году закон о колонизации: цель его заключалась в том, чтобы представить роль колонизационной армии и колонизации с положительной стороны. Этот закон, который критиковали многие историки, был сначала принят, а потом отменен. Надо сказать, что в основном, такие акты принимались под нажимом общественных объединений, а не под давлением государства.

Подобные вещи не получают должной поддержки (даже когда наличествуют гуманистические соображения, как с законом об отрицании Холокоста), потому что принципиально неправильно, чтобы государство или Национальное собрание принимали законы, которые квалифицируют исторические подходы. Закон, а не исследователи начинает определять, что в истории было правильным, а что неправильным, что является истиной, а что ложью и фальсификацией. Власти имеют право и даже должны содействовать формированию коллективной памяти об исторических событиях, памяти о жертвах (например, заниматься компенсациями жертвам, облегчением их положения, сохранением памяти об их страданиях). Но всякий закон, принятый по поводу исторических оценок, может быть очень опасным.

Мы рискуем впасть в то, что известный историк Марк Блок называл «непростительным грехом анахронизма» [1]. **Сейчас также понятие Пьера Нора «место памяти» очень популярно в исторических и культурологических исследованиях.** Нужно различать «мемориалы» и то, что называется «местами памяти». «Мемориалы» – это то, что создают официальные общественные объединения или правительство, чтобы сохранить память о чем-либо. Название улиц, ассоциации ветеранов, памятники жертвам войны; все это – мемориалы. Понятие «место памяти» олицетворяется с существующим пространством памяти, которое

гораздо шире, чем отраженное в мемориалах представление о прошлом.

В это же терминологическое поле также попало понятие «поколение». Это очень популярный термин. Но какова его история? Это слово стали употреблять, начиная с Французской революции. Концепция «поколения» развивалась и менялась до 1968 года, когда молодые люди создали как бы новый вид поколения. До этого мы всегда говорили, к примеру, «поколение первой Мировой войны», «поколение Народного фронта», «Поколение Освобождения». В 1968 году появилась книга под названием «Поколение», выступающая против всех поколений и форм авторитарности. Много говорили и о том, что поколение – это люди одного возраста, имеющие общую память. Стали появляться книги по истории литературы, основанные на этой концепции поколений. И они иногда сблизжали авторов, имевших разницу в возрасте в 20–30 лет, но принадлежавших к одному поколению. Тот же историк Марк Блок, например, говорил, что понятие «поколение» историки не должны использовать, ибо оно не имеет никакого значения – ни интеллектуального, ни демографического. Пьер Нора стал использовать его, чтобы подчеркнуть все сложности и противоречия и показать, что оно само является одним из «мест памяти», местом, которое как и гранитный мемориал способно хранить [8]. «Поколение» – это довольно специфическая категория, которая не использует конкретную категорию времени. Когда речь идет о месте памяти, связь со временем, демографией, историей всегда очень сложна.

В России явление «политика памяти» проявляется в особой форме, поскольку постсоветская память является крайне политизированной. Отчасти, это связано с наследием коммунистического режима, легитимность которого была проведена на основе Сталинской концепции истории, и была подорвана в период перестройки путем радикальной переоценки советского прошлого. Однако, после падения коммунизма, истории потеряли свою привлекательность. «Политика памяти», которую Миллер в статье 2009 года «Россия: власть и история» определяет как «различные обще-

ственные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти» [7], является лишь одной из форм исторической политики, нередко доминирующей, что может привести к приравнению или смешению двух понятий.

Уже несколько лет в России ежегодно проходит интенсивная информационная кампания, пропагандирующая жест памяти, связанный со Второй Мировой войной: каждому человеку предлагается носить георгиевскую ленточку. Их раздают на улице, а после 9 мая их можно найти валяющимися на земле. Можно ли таким образом, «сверху» создать «место памяти»?

В 2000-е годы эволюция режима Путина сопровождала новый пересмотр истории, которая вновь стала центральной темой для новой российской идеологии, чьи сторонники заявляют, что после распада традиционных идеологий, «политика памяти – это единственно возможная форма политической жизни» [9]. Защита национального прошлого рассматривается как основа национального сплочения. Однако, фигура Сталина, даже после его частичной реабилитации в официальном дискурсе, в учебниках по истории, и фильмах, казалось слишком проблематичной, чтобы быть выбранными в качестве ключевых исторических символов постсоветской России [14]. Вместо личности Сталина стала Вторая Мировая война как центральная часть для новой политики памяти.

Великая Отечественная война – яркое выражение советского общества. Некоторые историки и политики считают ее частью системообразующего опыта, который поддержал коллективную идентичность советских людей.

«Миф основания» [2] долгое время оставался предметом поисков в постсоветском периоде. Великая Отечественная война – это очень важное событие с богатейшим потенциалом для политического использования. В 1990-е годы делались попытки как-то вписать его в новый нарратив. Но именно в 2000-х годах Великая Отечественная война стала рассматриваться как «миф основания» современной России. Отметим, что в советском нарративе принимается во внимание то, что было до Октябрьской революции, и то, что после, – коммунистическое

будущее. Сложность конструирования постсоветского нарратива – именно в определении его «перспективы».

Цена победы СССР в Великой Отечественной войне – 22-й «спорный об этом периоде мы еще не знаем. Стоит обратить внимание в этой связи не о количестве жертв и утраченных материальных ценностях, а о том, почему в новой России официальная история Великой Отечественной войны стала неприкосновенной темой.

Постсоветская Россия такого исторического события, на котором держался бы «миф об основании», так и не обрела. 22 августа 1994 года было провозглашено Днем Государственного флага России, а в обществе отношение к ним остается неоднозначным: большинство предпочитают называть максимально обезличенно – «августовскими событиями».

В 2004-м перестал быть праздником и другой значимый для «новой России» день – 12 декабря; в 1993 году в этот день была принята демократическая Конституция. В 2007 году власти устроили грандиозное празднование Дня флага.

В ельцинскую эпоху была поставлена задача на позиционирование современной России как «новой России», отхождение от России предыдущей и установление вектора на строительство светлого будущего. Но эффективных инструментов увековечения этого нового исторического опыта в рамках коллективной памяти так и не было найдено. День Победы, пожалуй, единственный «народный» праздник. Великая Отечественная война на протяжении двух десятилетий постсоветской России сохраняла статус самого важного народно-исторического события.

Новая российская власть сознательно не разрывает символическую связь с советским периодом. Пример коллективной памяти выступает годовщина Октябрьской революции, которая продолжала оставаться официальным праздником до 1996 года.

По мнению О. Малиновой, существуют три критерия политической пригодности событий прошлого:

Узнаваемость – объясняет, почему так сложно заново номинировать символы прошлого для политического использования (например, память о Великой Отечественной войне является удобной, т.к. является узнаваемым символом, память о котором формируется по разным каналам).

Способность соответствовать культурно заданным шаблонам воображения политических сообществ. И вновь память о войне хорошо встраивается в разных проекциях: это символ героического прошлого, великих жертв, страданий, спасения.

Неоспариваемость – символы прошлого, которые не характерны для конструирования национальной идентичности, являются объектом двусмысленного оспаривания. В этом плане Великая Отечественная война при всем обилии самых разных интерпретаций и трактовок не подвергается сомнению своего значения, и поэтому оказалось, что это символ, универсально пригодный для политического использования [6].

Существует мнение относительно того, почему в советский период не пропагандировался культ Победы. Например, британец Ричард Овери предполагает, что это вынужденный шаг в сторону сохранения приоритетной позиции самого культа личности вождя. «Он желал восстановить свою личную власть после войны, после нескольких лет своей зависимости от лояльности и компетентности других», и для этого вполне достаточно было «заставить замолчать тех, кто прямо или косвенно противоречил его излюбленному нарративу о себе как об «архитекторе победы», – писал Овери в своем труде «Война России» [16].

Но с приходом к власти Хрущева был развенчен сталинский миф: «Не Сталин, а партия в целом, советское правительство, наша героическая армия, ее талантливые полководцы и доблестные воины, весь советский народ – вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне», – объявил первый секретарь ЦК на историческом закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года [11].

В 1990-е годы, память политика Бориса Ельцина, правительства, скачкообразный,

как это было, следовали этой модели, подчеркивая не столько имперскую славу России, а, скорее, ее культурные достижения, особенно в XVIII и XIX веках, что многие россияне считают как минимум сопоставимы с западом. Национальный консенсус путем стимулирования «культурного патриотизма» был и остается вариантом для новой политики памяти.

В 1990-е годы события Великой Отечественной войны подвергались переоценке, но не подвергались глубокому переосмыслению. Понятно, что люди были больше сосредоточены на наиболее очевидных темных сторонах коммунистического прошлого, чистках, репрессиях и тому подобном.

При Путине государство заменило культуру как ключевую тему новой политики памяти. Культ государства является ядром «новой русской идеологии», которая призвана оправдать огромные увеличения полномочий Президента, рост государственной бюрократии, господство исполнительной власти над законодательной, уничтожение многопартийной системы, и возвращение к неоимперской позиции во внешней политике.

Новая мифология войны подчеркивает единство народа и государства, а не государство насилем над людьми. Он подчеркивает мирный характер Советской внешней политики и защищает память государства от обвинений таких, как соучастие в инициировании войны, насилия со стороны Красной Армии, и ее захват независимых государств, с последующей установкой марионеточного «народного демократического» режима. Это подчеркивает роль России в победе над фашизмом и утверждает ее право на всеобщее признание и, косвенно, для той части мира, которые она завоевала. Россия «страдает» историей, признав цену победы и, сохраняя память о войне как привилегированное выражение пережитого ужаса и зверства, перекрыв память сталинских репрессий [10].

Несмотря на институционализацию государственного культа Великой Отечественной войны для молодого поколения события 70-летней давности становятся прошлым. «Мы подводим итоги прошедшего, строим планы – что

сделать на следующий год. В истекшем году было много событий, но самым значимым было 70-летие Великой Победы», – сказал Путин [12]. Но согласно опросам ВЦИОМ, 43% россиян считают главным событием 2015 года военную операцию России в Сирии (так ответили 43% респондентов). 26% россиян уверены, что самым значимым событием 2015 года стало обострение отношений между Россией и Турцией. Еще 25% опрошенных полагают, что основные события 2015 года происходили на Украине.

Восточная Европа (включая Россию) переживает запоздалое национально-государственное строительство, сопровождающееся национализацией истории. Однако, написание национальной истории сегодня весьма проблематично, учитывая глубокие изменения в интеллектуальной перспективе, вызванной достижением социальной и культурной истории.

Высшей точки институционализация государственной «политики памяти» достигла при Дмитрии Медведеве. В записи в своём видеоблоге от 8 мая 2009 года Президент Медведев отметил, что попытки фальсификаций «становятся все более жёсткими, злыми, агрессивными» [13]. В мае 2009 года Президент Дмитрий Медведев создал комиссию для решения проблемы «фальсификации истории в ущерб интересам России» [3]. Комиссия призвана обобщать и анализировать информацию о фальсификации исторических фактов, «направленной на умаление международного престижа России». Кроме того, комиссия должна выработать стратегию противодействия фальсификаторам и предлагать Президенту конкретные меры по борьбе с искажениями «правильной» истории. Комиссия должна собираться не реже двух раз в год.

14 февраля 2012 года указ 2009 года о создании комиссии был отменён президентом Медведевым, и комиссия, соответственно, прекратила существование [5]. Решение было замечено и вызвало комментарии не сразу, поскольку никак не упоминалось в названии указа, основная часть которого была посвящена другой президентской комиссии.

В том же указе от 14 февраля в части, посвящённой организации объявленного Медведевым месяцем ранее Года российской истории, говорится, что одной из задач создаваемого для этой цели оргкомитета является «противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым с целью нанесения ущерба интересам России» [4].

Появление этой комиссии было неудивительно и отражает растущую тенденцию в российской политике. Отметим, что невозможно спорить против консервативно-националистические позиции, предлагая «более точной» интерпретации прошлого. Вместо этого требуется тщательное размышление о роли истории в текущей политической жизни и о роли политики памяти.

Требуется более энергичного вмешательства государства в общественные дебаты о России авторитарного прошлого, и о значении Второй мировой войны в частности. Вопрос отношения к прошлому – болезненная тема во взаимодействии между индивидом и государственной машиной, которая ищет в памяти о былом инструменты для легитимации своего существования и управления жизнью граждан.

Ярким индикатором существующей политики памяти является отношение к празднованию Дня Победы и государственная рефлексия на высказывания и тексты, связанные с историей Второй мировой и Великой Отечественной войн. Многие «официальные» политики в России, в том числе, и Сергей Шойгу, высказывались в пользу введения той или иной меры ответственности за отрицание факта победы СССР в Великой Отечественной войне (крайне спорное суждение, поскольку победа Советского Союза в Великой Отечественной войне бесспорна, но если мы широко говорим о Второй мировой, то должны помнить, как минимум, о распределении победы среди стран-победительниц и послевоенной истории этих государств). Для сторонников подобного подхода, в том числе, ряда ученых, история Великой Отечественной войны, а, зачастую, история вообще – устоявшаяся легенда, не допускающая пересмотра и даже дискуссии.

Одним из элементов, необходимых для формирования политической нации является так называемое знаменательное событие, за которое «цепляется» народная память. Великая Отечественная война, выраженная через время в празднике Дня Победы, на данный момент является именно таким событием, поскольку все попытки государства сконструировать дату, которую можно было бы считать началом «новой» России, приемлемым для формирующейся демократии, оказались бесполезны.

Фактически, это замкнутая ситуация, которая диктует нам, как себя вести по отношению к темам, в силу своей исторической достоверности ставших для нас сегодня, с одной стороны, священными, а с другой – табуированными. К сожалению, в нашем контексте это прежде всего тема войны и всего, что с ней связано.

1. Непростительный грех анахронизма (Марк Блок) – приписывание людям другого времени и другой культуры эмоциональных установок и норм поведения, свойственных самому историку и современности.

2. Миф основания (О. Малинова) – историческое событие, знаменующее «рождение» нации либо момент, когда в полной мере проявился ее «характер».

3. Указ Президента РФ от 15 мая 2009 № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». [Электронный ресурс]: <http://ria.ru/society/20090519/171517015.html>.

4. Указ Президента Российской Федерации от 14 февраля 2012 г. № 183. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/252916>.

5. Кантор Ю. Без фальсификаций // Московские новости, № 238, 19 марта 2012.

6. Малинова О. Политика памяти в России // Вольное историческое общество, 03.12.2015 (интервью). [Электронный ресурс]: <http://volistob.ru/news/olga-malinova-politika-pamyati-v-rossii>.

7. Миллер А.И. Россия: власть и история // Полит.ру, 25.11.2009. [Электронный ресурс]: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/>.

8. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение, № 30, 1998 г.

9. Павловский Г. Плохо с памятью – плохо с политикой // Русский журнал, 9.12.2008 г. [Электронный ресурс]: <http://www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj>.

10. Хапаева Д. Готическое общество: морфология кошмара. – М.: Новое литературное обозрение, 2009, 359–394.

11. Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // «Известия ЦК КПСС», 1989 г., № 3 // Звенигородская электронная библиотека. [Электронный ресурс]: <http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt>.

12. Путин назвал 70-летие Победы главным событием

2015 года // Интерфакс, 25.12.2015. [Электронный ресурс]: <http://www.interfax.ru/russia/487279>.

13. Создана комиссия по противодействию фальсификации истории // Вести.ru, 19.05.2009. [Электронный ресурс]: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=286094&cid=5>.

14. Brent J. Postmodern Stalinism // The Chronicle of Higher Education, 21.09.2009. [Электронный ресурс]: <http://chronicle.com/article/Postmodern-Stalinism/48426/>.

15. Nora P. Memoire collective // La nouvelle histoire / J. Le Goff, J. Revel (Hg). P., 1978. S. 398–401; Les lieux de memoire / P. Nora (Hg). 7 Bd. P. 1984–1992.

16. Overy Richard. Russia's War (Война России) // Penguin Books Ltd, p. 416, 2010.

1. Unpardonable sin of anachronism (Marc Bloch) – attribution of the people of another time and another culture emotional attitudes and behaviors characteristic of most historians and modernity.

2. Myth base (O. Malinova) – historic event marking the «birth» of a nation when fully manifested its «character».

3. Presidential Decree of May 15, 2009 № 549 «On the Presidential Commission of the Russian Federation to counter attempts to falsify history to the detriment of Russia's interests.» [Electronic resource]: <http://ria.ru/society/20090519/171517015.html>.

4. Presidential Decree on February 14, 2012. № 183. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/252916>.

5. Yu. Kantor without fraud // Moscow News, number 238, March 19, 2012.

6. Malinova O. Politics of Memory in Russia // the Free Historical Society, 03/12/2015 (interview). [Electronic resource]: <http://volistob.ru/news/olga-malinova-politika-pamyati-v-rossii>.

7. A. Miller Russia: the power and history of Polit. ru //, 25.11.2009. [Electronic resource]: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/>.

8. Nora P. generations as a place of memory // New Literary Review, number 30, 1998.

9. G. Pavlovsky Poor memory – a bad policy // Russian journal of 9.12.2008 [electronic resource]: <http://www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj>.

10. D. Khapaeva Gothic Society: Morphology nightmare. – M.: New Literary Review, 2009, 359–394.

11. N.S. Khrushchev On the Personality Cult and its consequences. Report of the XX Congress of the CPSU // «Proceedings of the CPSU Central Committee», 1989, N 3 // Zvenigorodskaya electronic library. [Electronic resource]: <http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt>.

12. Putin called the 70th anniversary of the Victory the main event in 2015 // Interfax, 12.25.2015. [Electronic resource]: <http://www.interfax.ru/russia/487279>.

13. A commission to counter the falsification of history // BBC News, 19.05.2009. [Electronic resource]: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=286094&cid=5>.

14. Brent J. Postmodern Stalinism // The Chronicle of Higher Education, 21.09.2009. [Electronic resource]: <http://chronicle.com/article/Postmodern-Stalinism/48426/>.

15. Nora P. Memoire collective // La nouvelle histoire / J. Le Goff, J. Revel (Hg). P., 1978. S. 398–401; Les lieux de memoire / P. Nora (Hg). 7 Bd. P. 1984–1992.

16. Overy Richard. Russia's War (War Russian) // Penguin Books Ltd, p. 416, 2010.

UDC 327

POLITICS OF MEMORY IN RUSSIA AS A SYSTEMATIC WORK WITH THE PAST

Kochneva Elena Dmitrievna,

The Institute of Philosophy and Law
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
postgraduate
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: lestognij@yandex.ru

Annotation

This paper provides an overview of the policy issues of memory, as well as an analysis of different approaches to the interpretation of this phenomenon. In particular, the historical memory and national memory, the state of the politics of memory in post-Soviet space - the study of the practice of political use of historical events on the example of the Great Patriotic War.

Key words:

the politics of memory, historical memory, falsification of history, national consensus, the Great Patriotic War.

УДК 323.2; 327.8; 327.39

ФРАКЦИОНИСТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ИРАНЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Исаков Александр Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Статья направлена на изучение политики памяти в Исламской Республике Иран. Исследование базируется на авторской методологии, предполагающей анализ влияния разных фракций на процесс формирования политики памяти. Результатом исследования стало выделение различий в концептуальном обосновании отношения к истории различных акторов в иранском обществе. Также, в конце статьи автором приводится периодизация влияния различных фракций на формирование политики памяти в Иране.

Ключевые слова:

политика памяти, политический ислам, исламская революция, Иран, политические фракции.

События последних лет в странах Ближнего востока и исламского Магриба подчеркнули важность научных изысканий, направленных на понимание происходящих внутривнутриполитических процессов, связанных с конструированием идентичности и памяти. Отдельный академический интерес представляет Исламская Республика Иран, активизирующая свою внешнеполитическую роль в исламском мире и активно участвующая в происходящих конвергентных и дивергентных процессах уммы.

В контексте вызовов вооруженных конфликтов в Сирии и Йемене, характеризующихся прямым столкновением и поляризацией позиций разных течений исламского вероучения, актуализируется вопрос конструирования идентичности и исторической преемственности. Для реализации подобных новелл поли-

тического конструктивизма применяется т.н. политика памяти. Данный концепт не является новым для отечественной политической науки, но не прошел полной концептуальной институционализации в российском академическом дискурсе.

В частности, значимым этапом формирования дискурса в отношении данного вопроса является тематический 46 выпуск журнала «Pro Et Contra», посвященный вопросам политики и истории. В частности, Алексеем Миллером там поднимается вопрос о формировании в российском академическом дискурсе понятий, отвечающих за вопросы сопряжения истории и политики [4].

В частности, автором рассматриваются взаимоотношения между концептами «политизация истории», «политика памяти» и «историческая политика». Подчеркивается, что все